

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

Приходько В. К.

V. K. Prikhodko

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

A LEXICAL-SEMANTIC GROUP HAVING «LOVE» AS ITS BASIC COGNITIVE COMPONENT, IN THE 'DICTIONARY OF RUSSIAN DIALECTS OF THE AMUR RIVER REGION'

Приходько Виктория Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета (Россия, Хабаровск); 680000, г. Хабаровск, ул. Петра Комарова 2, кв. 21; 8 (4212) 22-73-80. E-mail: ulius-viktori@mail.ru.

Ms. Victoria K. Prikhodko – PhD in Philology, Associate Professor, Department of Russian Language, the Far Eastern State University of Humanities; 2, Petra Komarova Str., room 21, 680000, Khabarovsk, Russia. E-mail: ulius-viktori@mail.ru.

Аннотация. В данной статье представлена лексико-семантическая группа с базовым когнитивным компонентом «любовь», рассмотрена семантика диалектных слов и фразеологизмов, входящих в данную группу. Проанализированы лексемы, отражающие гендерную культуру поведения, строгую систему ценностей диалектоносителей в любви, диалектную картину мира. Выявлены наименования любимого человека в русских говорах Приамурья. Предпринята попытка установить причинно-следственные связи функционирования слов, входящих в обозначенную группу.

Summary. The paper examines a lexical-semantic group having “love” as its basic cognitive component; we consider the semantics of dialectal words and phraseological units belonging to this group. Lexemes are analyzed which reflect a gender-specific behavioral philosophy, a strict system of values pertaining to love, and a dialectal worldview. We also reveal the names that are given to ‘the beloved one’ in the Amur River region’s dialects. An attempt is made to determine the cause-and-effect relationships governing the functioning of the words that belong to the mentioned lexical-semantic group.

Ключевые слова: лексико-семантическая группа, лексема, семантика, картина мира, фразеологизм, базовый компонент «любовь», русские говоры Приамурья, диалект.

Keywords: lexical-semantic group, lexeme, semantics, worldview, fixed phrase, basic cognitive component “love”, Russian dialects of the Amur River region, dialect.

УДК 811.161.1.-087(571.61/62)

Словарь русских говоров Приамурья, на материале которого в данной статье рассматривается лексико-семантическая группа (ЛСГ) с архисемой «любовь», включает диалектную лексику и фразеологию русских говоров Приамурья, распространенных на большой территории, от с. Албазино до г. Хабаровска (говоры старожилого населения Амурской области и Хабаровского края по верхнему и среднему течению р. Амура). Словарь отражает своеобразие лексики русского населения отдаленной окраины России, потомков первых амурских переселенцев из Забайкалья. Время формирования говоров Приамурья – середина XIX в., когда для охраны границы с Китаем на левобережье Верхнего и Среднего Амура возникли первые русские поселения – казачьи станицы: Албазинская, Черняевская, Игнашинская, Поярковская, Екатерино-Никольская, Михайло-Семеновская и др. На новой территории, в

Приамурье, образовался своеобразный сплав забайкальских говоров, в которых преобладали севернорусские черты.

Характеристика диалектной лексики, раскрывающей психологические особенности амурских казаков, их эмоции, чувства, является ярким штрихом к портрету русского человека.

В Словаре русских говоров Приамурья можно выделить ряд ЛСГ с базовыми словами «эмоции», «чувства», которые объединяют семемы, содержащие в своём значении семы, связанные с базовыми компонентами. Предполагается, что базовые лексемы можно конкретизировать по какому-то отдельному чувству (любовь (ненависть) и т.д.) и подробно исследовать парадигмы слов, входящих в ЛСГ.

Так, лексемы, составляющие ЛСГ с базовым когнитивным компонентом «любовь», представлены разными частями речи: глаголами, именами существительными общего рода, прилагательными. Все лексемы отражают культуру, строгую систему ценностей диалектоносителей, картину мира сельского жителя, ориентированного в основном на выживание, на борьбу с суровым климатом, нацеленного на охоту, рыбалку, освоение ремесел. К любви отношение земное, простое, патриархальное, неглавное. Главное – «хозяйство вести», поэтому в русских деревнях повсеместно не употреблялся глагол «любить», его целомудренно заменяли словом «жалеть».

Словарь русских говоров Приамурья свидетельствует об этом явлении:

Ср.: *жалеть*, -ею, -ёшь, несов., кого. 1. *Любить*. Она его всё ещё жалёт (*Покр. Бик.*). Он её жалеет – любит, не бьёт (*Башур. Облuch.*). *Хаб. (Бик. Облuch.)*.

2. *Ласкать*. Жалеет – значит ласкает ребенка (*Покр. Бик.*). *Хаб. (Бик.)* [11, 128].

Можно предположить, что одной из причин семантической синонимии «любить» – «жалеть» был патриархальный христианский уклад России, которая до революции была большей частью православной страной. Христианство понималось как сострадание ближнему. Доказательством такого миропонимания служит первое послание апостола Павла к коринфянам: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится» (см. прим. 1).

В стихотворении И. Снеговой автором замечательно передана общерусская народная черта – «жалеть», т.е. проявлять глубокие чувства привязанности: «У нас говорят, что, мол, любит, и очень, / Мол, балует, холит, ревнует, лелеет... / А, помню, старуха-соседка короче, / Как встарь в деревнях, говорила: жалеет» (см. прим. 2). В стихотворении рассказывается о том, как именно муж соседки «жалел»: радовал, задаривая полушалками, рвался пораньше домой с ярмарки, заботился, берег сон и покой.

В литературном языке существует много глаголов для выражения симпатии и привязанности, в частности, активен в литературно-разговорной речи глагол «нравиться», который является своеобразным эвфемизмом к глаголу «любить», он означает, что кто-либо или что-либо приходится по нраву, по вкусу.

Семантическим синонимом к слову «нравиться» является диалектный глагол «глянутья», обозначающий высшую степень симпатии:

глянутья, -нусь, -нешься, несов.; *поглянутья*, -нусь, -нешься, сов. *нравитья*, *быть по вкусу*. Я тогда девка красива была, да и он мне глянулся шибко (*Кн-ка Кнст.*). Один одному поглянулись и сошлись (*Чесн. Мих.*). Поглянулась девка парню (*Джл. Скв.*). Счас выходят замуж, а то убегом, приехал жених, поглянулся, и убёгла я (*Полярк. Мих.*). *Амур. (Повсем.) Хаб. (Повсем.) Нов.-Даур.* – Ср. *взглянутья* [11, 86].

Можно предположить, что вместо литературного сочетания «Я Вас люблю», широко употребляющегося в романах и стихах, в деревнях произносили «ты глянешься».

Общерусский фольклор содержит много ласковых прозвищ любимого человека, которые, несомненно, могут входить в ЛСГ с архисемой «любовь».

Так, в статье С. Л. Гурской «Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах» представлены ласковые номинации, характерные для устного народного творчества: «Слова *забава, забавочка, земляничинка, изюминка, надёжа, надёженька, повадушка, прихехе, прихехеня, прихехенечка, прихехенька* имеют в ЯОС помету «фольклорное», а лексемы *дроля, дролечка, дролинька, дролька, залёта, залётка, залёточка, прияточка, ягодка, ягодина, ягодинка, ягодиночка* чаще всего употребляются в частушках. При этом для народно-поэтических слов с лексическим значением “любимый, любимая” характерно преобладание оценочного компонента над номинативным; их назначение – выразить любовь, симпатию, расположение, назвать близкого человека ласково, приветливо» [4, 171].

В русских говорах Приамурья в сравнении с ярославскими говорами поразительно мало ласковых названий для любимого человека. Словарь фиксирует следующие лексемы: *симпатёточка, сухарница, дóзмур, дрóлечка, дружíна, дру́га, молодúшка, мíлка, мíла, милáшка, милéш, нáкочка*.

Природная сдержанность, неласковость носителей Приамурских говоров объясняется отчасти суровостью климата, любовь стояла не на первом месте, т.к. на Дальнем Востоке приходилось выживать, бороться с холодом, с влажным климатом, в котором случались и наводнения, и неурожай, и засуха. Тяжелый крестьянский труд, рыбная ловля, охота занимали приоритетное место в жизни приамурских казаков. Это не противоречит и известному учению А. Маслоу об иерархии потребностей человека.

Есть некоторые специфические особенности в семантике и функционировании в речи диалектоносителей этих слов.

Ср.: *симпатёточка, и, ж. Девушка, с которой встречается и которую любит парень. Отгорели лампочки, отпадали стёклушки, отделали вечёпочки ваши симпатёточки (Уш. Шим.). Амур. (Шим.)* [11, 396].

Помимо положительной оценки в лексическом значении слова – «симпатичная девушка», слово имеет уменьшительно-ласкательный суффикс -очк-, который передает коннотации нежности, ласки.

Ср. также: *сухарница, -ы, ж. 1. Девушка, которая встречается, дружит с юношей. Ты чё, его сухарница что ли? (Уш. Шим.). Амур. (Бур. Серыш. Шим.). 2. Любовница. У женатого сухарница, полюбовница (Вас. Вяз.). Сухарницу-то его звали Каткой (Черн. Магд.). Ну сошлись сухарник с сухарницей (Е.-Ник. Окт.). Амур. (Магд.). Хаб. (Вяз. Окт.)* [11, 430].

Отметим, что слово *сухарница*, вероятно, произошло от слова «сушить», «присушивать». Существовали обряды присушивания любимого человека. Известно, что в деревнях пользовались популярностью любовные привороты, зелья, присушки и т.д.

Присушить любимого – это вызвать в нем тоску. Заговоры-присухи использовались в основном женщинами, которые хотели, чтобы любимый мужчина по ней скучал, места себе не находил, страдал (неслучайно в русском фольклоре песни о любви называются «Страдания»), иногда присушки были нужны для вызова физического желания.

К ласковым наименованиям следует отнести также лексемы:

– *дружíна, -ы, ж. Жена. Свою жену муж называл дружиной, а других женщин – жинкой (Лен. Арх.). Амур. (Арх.)* [11, 212];

– *молодúшка, -и, ж. То же, что молодúха. Молодушка – котóра только недавно взáмуж вышла (Бикин). Девка выйдет взáмуж, дак и зовётся молодушка (Черн. Магд.). Амур. (Магд.). Хаб. (Бик.)* [11, 229].

В слове *молодúшка*, как и в других диалектных наименованиях лица, присутствует суффикс субъективной оценки -ушк-, уменьшительно-ласкательный.

Интересен с точки зрения семантики ряд слов *дóзмур, мíлка, мíла, милáшка, милéш, дрóлечка*.

Согласно картотеке Г. С. Новикова-Даурского, слово *дóзмур* имеет негативную семантику:

дóзмур, -а, м. Устар. Любовник. Она уж с дозмуром таскáтся (Е.-Ник. Окт.). Хаб. (Окт.). Нов.-Даур. [9, 114].

Остальные номинации в представленном ряду употребляются, как правило, с положительной оценкой:

Ср.: *мíлка, мíла, милáшка* – любовница. *Моя мила платье мыла, а я любовался.* (СУ: обл., фамил.) [9, 108], *милéш, -а, м. возлюбленный. У мнучки милеш ешь (Кольц. Шим.). Отец говорил: «Чего их учить, милешáм записки писать? Пусть работают» (Алб. Скв.). Амур. (Скв. Шим.) [11, 241].*

Л. С. Гурская пишет: «Глагол *дрóлиться*, известный в русских говорах в значениях “иметь любовные отношения с кем-либо” (арх., иван.) и “гулять, проводить время с любимым” (свердл.), является мотивирующим для распространенных во многих районах Ярославской области слов с корнем *дрол’-*, называющих милого, возлюбленного человека: *дрóля* (ср.: *У подружки дроля Коля, ну и мне бы завести. Пошех.*), *дрóлинька, дрóлечка* (ср.: *Дролечка не забывает на чужой сторонуйке. Тут.*), *дрóлька* (ср.: *Пойду к дрольке на свиданье. Больш.*). В Угличском р-не нами была записана частушка:

Уж я дроленьку свою работать не заставлю –

Сам я печку истоплю, самовар поставлю (д. Патрикеево).

Указанные лексемы распространены и в других севернорусских говорах (ср.: *Дроля уехал, веселье увез. Олон.; Я на мельнице была – чего накудесила: Часы с помельщика сняла, на дроленьку повесила. Арх.; Вон 20 на угоре сидят, все мои дрольки. Арх.*), причем они подаются в СРНГ по отношению к архангельским говорам с пометой “чаще муж. рода” и примечанием “слова эти сравнительно новые», так как зафиксированы они были уже в XX веке» [4, 171-172].

Интересно, что слово *дролиться* в указанных С. Л. Гурской значениях Словарем русских говоров Приамурья не фиксируется, в него занесен глагол *дролить* в значении «ласкать», производное от него существительное общего рода *дрóлечка* используется диалектоносителями как ласковое название любимого человека:

дрóлечка, -и, ж. ласк. возлюбленный. А дролечка-то у нас на двоих один был (Марк. Благ.). Амур. (Благ.) [11, 119].

Слово *дрóлечка* – общерусское, завезенное на Дальний Восток переселенцами.

Словарь русских говоров Приамурья фиксирует и такие лексемы, называющие любимого человека, как *дрóга* и *на́кочка*:

– *дрóга, -и, ж. подруга. Выпадает свободная минута, я бегу к своей друге, и мы с ней идём на вечерку (Н. Буз. Своб.). Амур. (Своб.) [11, 119];*

– *на́кочка, -и, общ. ласк. к на́ка. Когда жена любит мужа, она говорит: «Вот мой накочка пришёл» (Уш. Шим.) [11, 258].*

Одной из других важных причин довольно скромного числа номинаций, входящих в ЛСГ «любовь», являлось частое отсутствие в семейной жизни любви, поскольку имели место ранние браки, которые заключали родители, диктуя детям свою волю. Так было в России повсеместно. Об этом явлении написал А. С. Пушкин в третьей главе романа «Евгений Онегин»: «Да как же ты венчалась, няня?» / – Так, видно, бог велел. Мой Ваня / Моложе был меня, мой свет, / А было мне тринадцать лет. / Недели две ходила сваха / К моей родне, и наконец / Благословил меня отец» (см. прим. 3).

В ситуации вступления в брак не по любви, а по решению и велению родителей, большим благом было, когда супруги жалеют друг друга, не обижают, сочувствуют. Но поскольку любовь между молодыми людьми на селе все же случалась, а родители были против свадьбы, то молодые пускались в бега.

Словарь русских говоров Приамурья фиксирует в связи с этим фразеологизм «бегловая свадьба»:

бéгловая свáдьба. Устар. Свадьба без родительского согласия на брак. Свадьба с честью есть, а есть бегловые свадьбы (Заг. Сел. Своб.). Амур. (Своб.) [11, 28].

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

Бегловой свадьбе противопоставлялась, образуя антонимические контрадикторные отношения, *свадьба с честью*:

сва́дьба с че́стью. Устар. *Свадьба с родительского согласия на брак*. Свадьба с честью – это с родительского благословения. Есть свадьбы с честью, а есть бегловые свадьбы (*Заг. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 383].

Ср. также лексему *убежать* с синонимическим значением к фразеологизму *бегловая свадьба*:

убежа́ть, -гу́, -жи́шь, Сов. *выйти замуж без согласия родителей*. Все подружки убежали, а я осталась зимовать (*Черн. Магд.*). Я-то замуж убежала, вышла замуж без согласия (*Игнат. Благ.*). *Амур. (Благ. Магд.)*. – Ср. *убе́гнуть* [11, 451].

В Словаре русских говоров Приамурья фиксируется номинация, называющая девушку, отрекшуюся от родителей:

отро́чница, -ы, ж. Устар. *девушка, вышедшая замуж тайком, без согласия родителей*. Убегут убе́гом, такй девки отро́чницы звались (*Заг. Сел. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 302].

Интересно, что общерусское устойчивое сочетание *брать в жены* структурно-семантически трансформируется до названия конкретного действия в свадебном обряде:

брать не́весту. *Совершать свадебный обряд выдачи невесты жениху*. Вечером женихи вечеру́ют, а утром невесту берут (*Джл. Скв.*). *Амур. (Скв.)* [11, 43].

От воли родителей многое зависело: давать или не давать согласия на брак, благословить или нет, устроить ли свадьбу или просто *вечер*, например:

вече́р, -а, м. *Предсвадебное гулянье, вечеринка*. Свадьбы-то у меня не было, а был вечер (*Ст. Окт.*). Родители согласятся, сделают вечер, устроят пропóй (*Анос. Шим.*). *Амур. (Шим.)*. *Хаб. (Окт.)* [11, 59].

Венчание на Дальнем Востоке называли дублетным словом *венцы*:

венцы́, -цо́в, мн. *Венчание*. Раньше до венцов не жили. Из-под венцов приведут, тогда живите (*Алб. Скв.*). До венцов отец привёз маму, замкнули её (*Джл. Скв.*). *Амур. (Скв.)* [11, 59].

Однако слово *венцы* в значении «венчание» отличалось по смыслу от слова *венчик* – часть свадебного наряда невесты:

вене́чик, -а, м. *То же, что вене́ц в 1-м знач.* Раньше невеста одевала венчик, красиво-то как было (*Н.Буз. Своб.*). Голову невесты украшали на свадьбу венчиком, не то что сейчас шляпа с вуалью (*Н.Буз. Своб.*). *Амур. (Своб.)* [11, 59].

О том, что девушек порой принуждали к браку против воли, свидетельствует фразеологизм *из-под клинка взять*:

из-под клинка́ взять. Устар. *Выдать замуж насильно*. До свадьбы я своего не знала. Я из-под клинка взята (*Черн. Магд.*). *Амур. (Магд.)* [11, 62].

Однако серьезность и важность свадебного обряда понимались всеми без исключения, какой бы свадьба ни была: *с честью* или *из-под клинка*, поэтому невесту старались красиво нарядить и в первый день свадьбы, и во второй, неслучайно в Словаре русских говоров Приамурья встречается сочетание *визитное платье*:

визи́тное пла́тье. *Платье, надеваемое невестой на второй день свадьбы*. Платье светлых тонов, которое надевала невеста на второй день свадьбы – это визитное платье (*Алб. Скв.*). Оде́жи: фата, белое платье и визитное платье на второй день (*Игнат. Благ.*). *Амур. (Благ. Скв.)* [11, 63].

Важно было и то, чтобы инициатива к браку шла от мужчины, а не от женщины. Иначе считалось, что *свадьба навяленная, навяленная невеста, навяленная родня*. В картотеке Г. С. Новикова-Даурского и в Словаре русских говоров Приамурья зафиксировано слово *навялиться*.

Можно также объяснить малочисленность слов в ЛСГ с архисемой «любовь» неосведомленностью вследствие неграмотности, необразованности.

В. В. Виноградов в работе «О языке художественной литературы», анализируя отрывок из пушкинского «Путешествия из Москвы в Петербург», высказал мысль о заметных

социальных различиях в отношениях к любви, существовавших в XIX в.: «Спрашивали однажды у старой крестьянки, по страсти ли вышла она замуж. “По страсти, – отвечала старуха, – я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь”. Таковые страсти обыкновенны». Литературное слово страсть – «увлечение, чувственная любовь» и народно-разговорное страсть – «страх» здесь каламбурно сопоставлены для выражения глубоких социальных контрастов [3, 237-238].

А. С. Пушкина действительно сильно удивляла огромная пропасть в отношении к любви у дворян и крестьян. Пушкин спросил у казака, ехавшего на побывку: «Что сделаешь с женой, если узнаешь, что она тебе изменяла?» Казак дал потрясающий ответ: «Если сена на зиму заготовила – прощу, а нет – побью» (см. прим. 4).

Данная история свидетельствует о нацеленности в среде крестьян на чисто практические хозяйственные навыки (готовка, уборка, работа в огороде, уход за скотиной), а не на возвышенные духовные чувства, на которые не хватало времени и сил.

Прагматическую ориентированность на труд домашний и колхозный можно видеть вплоть до середины XX в. Дети и школу могли пропустить, если того требовало домашнее хозяйство.

В Словаре русских говоров Приамурья находим примеры: Отец говорил: «Чего их учить, милешам записки писать? Пусть работают» (*Алб. Скв.*). Амур. (*Скв. Шим.*). Дочка читает целыми днями, лентяйкой растёт: ни убрать в доме, ни сварить» [11, 241].

Девушки с детства воспитывались как работницы, уходящие в дом мужа, их называли *чужим товаром*:

чужой товар. О девушках в семье. А на что семье дёвка – чужой товар (Кум. Шим.). Ребят поучил, а вы, девки, – чужой товар: учить нечего (Пашик. Облuch.). Амур. (Шим.). Хаб. (Облuch.) [11, 487].

Женщины, неприученные к ведению домашнего хозяйства, жестоко осуждались. Существует целый ряд наименований бесхозяйственных женщин с пометой *неодобрительное*:

– *необиходница, -ы, ж. Неряшливая женщина. Необиходница* она, грязнуля, всё по лавкам расставит немытое (*Введ. Серыш.*). Ну, Ленка, ты необиходница у нас, никогда не возьмёшь тряпку, не подотрёшь пол (*Серг. Благ.*). Амур. (*Благ. Серыш.*). *Нов.-Даур.* [11, 269];

– *неряшиха, -и, ж. Неодобр. Неряха. Грязнулю* называли *неряшихой (Алб. Скв.)*. Сенька ленива, а *неряшиха*, каких свет не видел! (*Алб. Скв.*). *Неряшихи* и счас найдутся. Есть таки в селе (*Ин-ка Арх.*). Амур. (*Арх. Скв.*). – *Ср. Неряшка* [11, 269];

– *неряшка, -и, ж. То же, что неряшиха. Неряшка* какá моя соседка, а мужиков водит (*Поярк. Мих.*). Амур. (*Мих.*) [11, 269];

– *никудышка, -и, ж. Неодобр. Ни к чему не приспособленный, никчемный человек. Она* никудышка была, ничё не умела делать (*Лен-ское Лен.*). Хаб. (*Лен.*) [11, 271].

Проявлять любовь стеснялись, произносить слова «любовь», «люблю» считалось неприличным. Любовные похождения осуждались и порицались. Ценились скромность, целомудренность. В Словаре русских говоров Приамурья 60 наименований женщины легкого поведения, среди них, например:

– *покрытка, -и, ж. Неодобр. Женщина, родившая внебрачного ребенка. Покрытка* она, без мужа родила (*Уш. Шим.*). Амур. (*Шим.*) [11, 339];

– *пристяжка, -и, ж. Неодобр. Любовница. Пристяжка?* У нас незаконную жену пристяжкой называли (*Джл. Скв.*). Пристяжку завёл, хороводится с ей, детей забыл (*Серг. Благ.*). Амур. (*Благ. Скв.*). *Нет в таком значении, только Амур.* [11, 428];

– *людная дёвка. Девушка легкого поведения. Наладят смолы и мажут заплот и воробы людным девкам. Людны девки, онé гуляют, у их много ухажёров: одного парня бросат, другого, сами себя хорошо не вели (Союз. Окт.). Хаб. (Окт.)* [11, 428].

Скромность поведения диктовалась общественным мнением. Сплетни и слухи распространялись быстро. Никто из деревенских жителей не хотел становиться предметом

Приходько В. К.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ ГРУППА С БАЗОВЫМ КОГНИТИВНЫМ КОМПОНЕНТОМ «ЛЮБОВЬ» В СЛОВАРЕ РУССКИХ ГОВОРОВ ПРИАМУРЬЯ

обсуждения. Данную примечательную особенность крестьянской жизни запечатлел советский кинематограф в фильме «Дело было в Пенькове». Матвей, главный герой фильма, вполне прочувствованно на своем опыте пел песню на стихи Н. Доризо: «От людей на деревне не спрятаться, / Нет секретов в деревне у нас. / Не сойтись, разойтись, не сосвататься / В стороне от придирчивых глаз» (см. прим. 5).

Сплетники тоже осуждались. Словарь русских говоров Приамурья фиксирует слова с негативной оценочностью, называющих болтунов: *бóтало*, *брехушка*, *язычица*, *плёха*, *хлопуша*, *распустиха* и др. Однако существовало и убеждение, что люди зря не скажут.

Можно также отметить интересную деталь: в сельской местности хозяйки ласковы со скотиной: гладят, называют по именам, а с людьми разговаривают иначе: сдержанно, даже сурово. Однако внешняя холодность легко объяснима, особенно с посторонними, поскольку женская честь и репутация в крестьянской среде ценились порой выше приданого.

Резкое осуждение добрачных и внебрачных связей распространялось и на рожденных в этих связях детей:

– *байстриók*, *бастриók*, -а, м. *Внебрачный ребенок*. Эй ты, байстриók, куда босой намылился? (*Виногр. Бур.*). Бастриók – без отца рожденный ребенок. Бастриюки балованны (*Кн-ка Кнст.*). Амур. (*Бур. Кнст.*). Ср. *Баягón*, *Выблюдок*, *Выкормыш*, *Заугольник*, *Суразёнок* [11, 22];

– *баягón*, -а, м. *То же, что байстриók*. Этот баягón соседки нашей (*Благовец.*). Амур. (*Благ.*) [11, 25].

Необходимо отметить существование в русских говорах Приамурья фразеологизма *пойти на детей – жениться или выйти замуж за человека, имеющего детей*. Вон Иван-то на детей пошёл, не испугался, а как хорошо живёт (*Серг. Благ.*). Амур. (*Благ.*) [11, 329].

Скромного поведения требовала мораль и от мужчин, об этом свидетельствует картошка Г. С. Новикова-Даурского:

Ср.: *ёрник* – *женолюб*, *эротик*, *садист*. Ох и ёрник этот Андрюха, за каждой бабой ухлестывал бы (прост. вульг.); *еровать* – *проявлять признаки полового хотения*. Только бы еровали тут с бабами.; *ерун* (*ярун*) – *похотливый на женщин, не скрывающий полового влечения*. Тунгусское – Ирун – северный олень (сожгой) [9, 67].

Таким образом, диалектная речь дальневосточников не склонна к излишней сентиментальности при описании любовных чувств. Глагол «любить» заменяется глаголами *жалеть*, *глядеться*. Список слов, называющих любимого человека, в сравнении с общерусским лексиконом довольно мал: *симпатёлочка*, *сухárница*, *дóзмур*, *дрóлечка*, *дружiна*, *дру́га*, *молодушка*, *ми́лка*, *ми́ла*, *ми́лашка*, *ми́лэш*, *на́кочка*.

Лексический и фразеологический материал (*бегловая свадьба*, *взять из-под клинка*, *навяленная невеста*, *чужой товар*) демонстрирует прагматические отношения, принимающие зачастую уродливые формы (чересчур ранние браки, неграмотность, неосведомленность), нацеленность только на ведение хозяйства, ханжеское осуждение добрачных и внебрачных связей (*покрытка*, *пристяжка*, *людная девка*, *ерун*, *ёрник*, *еровать*), неприятные названия детей, рожденных в этих связях (*баягон*, *байстриюк*), однако за приведенным словарным материалом угадывается непростая трудовая жизнь народа, видится глубокая мысль, высказанная еще Н. М. Карамзиным, что «и крестьянки любить умеют». Народная речь не нуждается ни в огульном порицании, ни в излишней идеализации, в ней, как и в природе Дальнего Востока, есть чистота, простота, скромность, суровая красота.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Бабенко, Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке / Л. Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.

3. Виноградов, В. В. О языке художественной литературы / В. В. Виноградов. – М.: Гослитиздат, 1959. – С. 237-238.
4. Гурская, С. Л. Имена существительные общего рода, называющие любимого человека в Ярославских говорах / С. Л. Гурская // Ярославский педагогический вестник. Филология. – 2009. - № 1(58). – С. 171-175.
5. Забродкина, Е. А. Эмоционально-оценочная лексика семантического поля «дом» в русских народных говорах / Е. А. Забродкина // «И нежный вкус родимой речи...»: сб. науч. тр., посвященный юбилею проф. Л. А. Климковой. – Арзамас: АГПИ, 2011. – С. 203-211.
6. Кирпикова, Л. В. О дефинициях и живом словоупотреблении / Л. В. Кирпикова // Народное слово Приамурья: сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
7. Мельниченко, Г. Г. Региональная лексикология и лексикография: Избранные работы / Г. Г. Мельниченко. – Ярославль: ЯГПУ, 2007. – 260 с.
8. Народное слово Приамурья: сб. статей, посвященный 20-летию публикации «Словаря русских говоров Приамурья». – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2004. – 141 с.
9. Словарная картотека Г. С. Новикова-Даурского / подгот. к печати Л. В. Кирпикова, В. В. Пирко, И. А. Стринадко; вступит. ст. и ред. Л. В. Кирпикова. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2003. – 199 с.
10. Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. – Новосибирск: СО РАН, научно-издательский центр ОИГГМ, 1999. – 540 с.
11. Словарь русских говоров Приамурья / авт.-сост.: О. Ю. Галуза, Ф. П. Иванова, Л. В. Кирпикова, Л. Ф. Путятин, Н. П. Шенкевец. – 2-е изд., испр. и доп. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2007. – 544 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Википедия (2013). Любовь (христианская добродетель). Википедия – свободная энциклопедия. Режим доступа: [http://ru.wikipedia.org/wiki/Любовь_\(христианская_добродетель\)](http://ru.wikipedia.org/wiki/Любовь_(христианская_добродетель))
2. Artsportal.ru (2013). Любовь. Классическая русская поэзия. Режим доступа: http://russian-poetry.artsportal.ru/index.php?artist=167&code=artist_gallery&letter=%D1&template=main
3. Интернет-библиотека Алексея Комарова (2013). А.С. Пушкин. Евгений Онегин. Режим доступа: <http://ilibrary.ru/text/436/p.4/hit/index.html>
4. Проза.ру (2011). Слово в защиту Дантеса. Николай Иванович Кирсанов. Режим доступа: <http://www.proza.ru/2011/09/10/1252>
5. Сайт ансамбля русской песни «Братина» (2013). От людей на деревне не спрятаться. Ансамбль русской песни «Братина». Режим доступа: <http://www.russkie-pesni.ru/repertour/ot-lyudey-na-derevne/>